

МИШЕЛЬ РОКАР: МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ

А.Ю. Веревкин

Аннотация. События мая–июня 1968 г. во Франции вызвали среди современников вспышку популярности революционных теорий и лозунгов. Этот процесс частично коснулся и больших политических дискуссий. Однако вскоре после майских событий сторонники радикальных левых идей исчезли с политической сцены страны. В данной статье рассмотрен процесс спада актуальности революционных лозунгов после 1968 г. на примере крупного французского политика Мишеля Рокара. За несколько лет после майских событий будущий премьер-министр Франции перешел с «революционных» на «социал-демократические» позиции. В короткий срок Рокар прошел путь от лидера леворадикальной организации до активиста реформистской парламентской партии. Большинство исследований, посвященных этому повороту в карьере Рокара, построены вокруг расшифровки «настоящих» персональных взглядов, а также личных обстоятельств и скрытых карьерных амбиций. Автор данной статьи, напротив, остается в содержательных рамках заявлений Рокара и пытается реконструировать последовательность политико-теоретических конструкций, которые один из будущих лидеров французских левых сил использовал для публичного обоснования отхода от майских лозунгов. Автор демонстрирует, что постепенному отказу от революционной риторики предшествовали резкие изменения в оценке политических институтов страны.

Ключевые слова: Мишель Рокар, Май 68, события мая–июня 1968 г. во Франции, Революция, социал-демократия, Социалистическая партия, Объединенная социалистическая партия.

MICHEL ROCARD: BETWEEN REVOLUTION AND SOCIAL DEMOCRACY

A.Yu. Verevkin

Abstract. The events of May–June 1968 in France caused an outburst of popularity of revolutionary theories and slogans among contemporaries. This process partly touched on the big political discussions. Shortly after the May events, however, supporters of radical left-wing ideas disappeared from the political scene. This article considers the process of the decline in the relevance of revolutionary slogans after 1968 on the example of a major French politician Michel Rocard. A few years after the May events, the future French Prime Minister switched from a “revolutionary” to a “social democratic” position. Shortly Rocard went from the leader of the left-wing radical organization to the activist of the reformist parliamentary party. Most of the research on this turnaround in Rocard’s career was built around deciphering “real” personal views, as well as personal circumstances and hidden career ambitions. The author of this article, on the contrary, remains within the substantive framework of Rocard’s statements and tries to reconstruct the sequence of political-theoretical constructions, which one of the future leaders of the French left-wing forces used to publicly justify the departure from the May slogans. The author demonstrates that the gradual rejection of revolutionary rhetoric was preceded by sharp changes in the assessment of the country’s political institutions.

Keywords: Michel Rocard, May–June 68, The events of May 1968 in France, Revolution, Social Democracy, Socialist Party, Unified Socialist Party.

«Вы — мечтатель-реалист, радикальный реформатор» — с такими словами президент Франции Франсуа Олланд в 2014 г. вручал бывшему премьер-министру Мишелю Рокару Орден Почетного легиона [Rèveur réaliste ... , 2015]. На рубеже 70–80-х гг. Рокар был вдохновителем так называемой «второй левой» и главным конкурентом Франсуа Миттерана в борьбе за роль лидера французских левых сил. Во время президентства Миттерана — занимал министерские посты и возглавлял правительство. Рокару довелось руководить Социалистической партией, работать в Сенате и Европейском парламенте. Но наследие политика определили не столько государственные посты, сколько самобытные идеи. Ему принадлежит роль одного из пионеров в таких областях, как экология, права мигрантов, урбанизм, регионализация и децентрализация. Рокар отличался редким для своей эпохи сочетанием передовых взглядов на социальную справедливость и глубокой экономической компетентности.

Среди реакций на смерть Рокара (2016) царит нетипичное для современной Франции единодушие. Выражая симпатии к ушедшему политику, выделяют одни и те же качества: «последовательность», «целостность» и «принципиальность». Авторы недавней книги о «рокардизме» сравнили его уход с утратой маяка в быстро меняющемся обществе [Bergounioux, Merle 2018, p. 7], подчеркнув верность Рокара собственным убеждениям.

Однако в биографии Рокара был и двусмысленный этап — сразу после знаменитых майских протестов 1968 г. В тот период Рокар руководил небольшой левой партией, ориентированной на теоретическую работу. Его Объединенная социалистическая партия (далее — ОСП) по ходу протестов потребовала свержения власти и запуска перехода к социализму. После событий 1968 г. ОСП стала прибежищем сторонников ультралевых идей («гошистов») и пыталась создать «автономную революционную силу». По меркам сегодняшнего дня «гошистские годы» Рокара трудно примирить с репутацией реалиста.

Согласно расхожей версии, после краткосрочного головокружения майских протестов фразеология Рокара была не более чем компромиссом перед массой студентов-леваков, нахлынувших в ОСП. Однажды Рокару пришлось объяснять в эфире, что слово «революционный» в декларациях его партии значит не больше, чем в рекламе «революционной коробки передач» [Rocard, 2007, p. 193–194]. Позднее Рокар отрицал за действиями того времени наличие реальных революционных смыслов. На конференции, посвященной наследию ОСП, Рокар заявил, что вопреки «эпизодическим гошистским отклонениям» объединенные социалисты были для Франции «предвестниками настоящей социал-демократии, то есть действующими строго в рамках реформизма, строго в рамках рыночной экономики» [Rocard, 2012, p. 138].

И тем не менее, находясь у руля ОСП, Рокар делал противоположные заявления. В 1969 г. он утверждал: верить, «что социал-демократии все еще есть что сказать о нашем обществе», значит заставлять «социалистическое движение терять время» [цит. по: Bergounioux, Merle, 2018, p. 118]. Противоречие между ролями

«социал-демократа» и «революционера» видно из воспоминаний политика Пьера-Ива Коссе. В 1970 г. Коссе решил покинуть ОСП и в качестве объяснения посетовал Рокару, занимавшему тогда депутатское кресло: «Разница между твоими позициями — между разумной речью в парламенте и революционной в ОСП — слишком велика. По мне, тут настоящая шизофрения» [Из интервью авторам Vergoupioux, Merle, 2018, p. 122]. В одной из первых биографий Рокара журналистка Катлин Эвин задавалась вопросом: «Кто прав? Те, кто видят в Рокаре строгую политическую последовательность <...> или те, кто думает, что Мишель Рокар, в конечном итоге, мог последовательно иметь искренние убеждения, которые противоречили друг другу?» [Evin, 1979, p. 105].

Проблему напряжения между «революционной» и «социал-демократической» позициями Мишеля Рокара мы попытаемся разобрать в этой статье. Хронологической рамкой будет период с 1968 по 1974 гг. За это время Рокар прошел путь от руководителя революционной партии ОСП до активиста Социалистической партии — бастиона «социал-демократии».

В изучении резкого поворота политической траектории Рокара мы будем избегать персональной перспективы. Вопросу индивидуальных взглядов, личных обстоятельств и карьерных амбиций Рокара, которые могли скрываться за двусмысленностью заявлений того периода, посвящено немало биографических изданий [Evin, 1979; Hamon, Rotman, 1980; Schneider, 1987; Bédei, Liegeois, 1990; Andreani, 1993]. Мы намеренно останемся на поверхности вопроса. Сосредоточимся на содержании публичных высказываний Рокара в качестве руководителя партии. На том, в какой форме один из будущих лидеров левых сил давал обоснование постепенному отказу от революционных лозунгов.

В первой части мы увидим, что сразу после Мая 68 революционная риторика Рокара опиралась на комплекс «прикладных» представлений исторического характера. То есть на определенный анализ прошлого, из которого выводились законы развития общества и прогнозы будущего. Затем, мы проследим, как оформилось размежевание Рокара с левым крылом собственной партии: политик разделял с «гошистами» оценку «исторического периода», но пришел к резким разногласиям в трактовке «текущей ситуации». Наконец, мы перейдем к тем сдвигам, которые привели сторонников Рокара к решению выйти из ОСП. Мы продемонстрируем, что на уровне публичных идеологических аргументов определяющую роль играл не столько прямой отход к позициям реформизма, сколько признание нового значения за сферой профессиональной политики.

УРОК МАЯ 68: АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

Чтобы перейти к разбору позиций Рокара, необходимо сделать два пояснения. Мы должны кратко уточнить, в каком смысле будут использоваться термины «революция» и «социал-демократия», а также дать краткий экскурс в историю ОСП.

Поскольку нас интересуют изменения во внутренней логике позиций политика, целям нашей работы соответствуют те определения, которые сам Рокар использовал в обращениях к широкой аудитории. Соответствие таких определений сторонним дефинициями (словарям, исследованиям или трудам классиков) в этом случае не важно.

Значение слова «революция», на которое ориентируется партия, Рокар пояснял в книге «ОСП и социалистическое будущее Франции». По его мнению, слово «революция» имело два основных значения. Одно было связано с «вооруженным восстанием» профессиональных бунтовщиков, другое — с «глубоким преобразованием общества, которое выражается в радикальном изменении производственных отношений и структур производства» [Rocard, 1969, p. 52]. Рокар настаивал, что ОСП «решительно и без стеснений» является революционной партией, но исключительно во втором смысле.

Что же касается термина «социал-демократия», то для современного читателя его значение в дискуссиях того времени может оказаться не до конца понятным. Во всяком случае, его смысл порой существенно отличался от нынешнего. На рубеже 60–70-х гг. понятие «социал-демократия» сохраняло для французских левых глубоко негативные коннотации. «“Социал-демократия”, “реформизм”, “ревизионизм”, “буржуазный социализм”, “предательство”, — писал по этому поводу историк Пьер Розанваллон, — сплетение терминов, <...> которые сливаются, чтобы обозначить одинаковый страх и неприятие» [Rosanvallon, 1979, p. 8].

Социал-демократия по Рокару — «желание улучшить существующие структуры без четкого политического проекта, без воли к трансформации их социальной природы» [Партийный еженедельник ОСП — *Tribune socialiste*, 3 avril 1969 (supplement), p. 3]. Иными словами, «социал-демократия» — негатив стремления к «революции». Несмотря на размытость формулировок, разницу между «революционным» и «социал-демократическим» для Рокара можно представить как разницу между курсом на разрыв с нынешним обществом и согласием на существование в его рамках. Воплощением социал-демократии в таком смысле оказывалась традиция парламентского социализма, а именно — партия СФИО и сменившая ее Социалистическая партия.

Наконец, чтобы корректно отслеживать позиции Рокара, необходимо ввести их в контекст истории ОСП, которую многом определили идеологические дебаты. ОСП возникла в 1960 г. вокруг активистов, отколовшихся от СФИО с целью создать партию «аутентичного социализма». К ним стекались другие группы, не представленные на большой политической сцене — левые католики, «мендесисты» (последователи Пьера Мендес-Франса), коммунисты-диссиденты, троцкисты и многие другие.

На политическом ландшафте ОСП должна была искать место, не занятое существующими партиями. В поисках своей ниши Объединенные социалисты сделали ставку на модернизацию социалистической доктрины с учетом послевоенных

изменений в экономике. Однако многочисленные доктринальные новшества блокировали возможность переговоров с крупными более традиционными партиями. Как следствие, без межпартийных предвыборных соглашений путь в законодательное собрание для ОСП оказался закрытым. Партия была вынуждена сосредоточиться на внепарламентской борьбе. Объединенные социалисты вели активную работу с профсоюзами, в особенности — с Французской демократической конфедерацией труда (ФДКТ) и студенческим профсоюзом ЮНЕФ. Так что к 1968 г. ОСП сочетала имплантацию в профсоюзах, претензии на доктринальную чистоту, подчеркнутый модернизм и молодость аудитории.

Эти черты определили глубокую включенность объединенных социалистов в майские протесты. В то время, как «традиционные партии» в основном проявили неподготовленность, ОСП сыграла более заметную роль, чем предполагали ее ресурсы. «Неправда, что события невозможно было предвидеть, — торжествовал Рокар в июне, — они могли удивить лишь тех, кто в течение многих лет игнорировал реальные желания масс. А среди левых — тех, кто считал возможным управлять (canaliser) протестами посредством простых избирательных союзов» [Tribune socialiste, 20 juin 1968, p. 1]. Май 68 закрепил критическое отношение ОСП к старшим партиям и стал центральным образом собственной идентичности.

Майские события создали внутри ОСП немало противоречий. Активная позиция спровоцировала приток молодежи с ортодоксальными революционными взглядами. Хотя состав руководства оставался таким, каким его определил съезд 1967 г., доля вступивших уже после майских событий быстро перевалила за половину. В партии фактически сосуществовали «первая» и «вторая» ОСП.

Сохранение единства ОСП обеспечили те ее черты, которые приверженцы всех внутренних течений отрицали за другими партиями. Резюме этих черт зафиксировано в итогах работы первого съезда ОСП после майских событий, который состоялся в марте 1969 г. в Дижоне. «Если бы нужно было в двух словах выразить смысл нашего съезда, — писал член Национального бюро ОСП троцкист Мануэль Бридье, — большая часть наших сторонников без колебаний сказала бы — “актуальность социализма”» [Tribune Socialiste, 30 janvier 1969, p. 3]. Этот лозунг стал демаркационной линией с «традиционными партиями»: «Идея, что социализм стоит на повестке дня уже сейчас — в этом в действительности и состоит смысл нашей доктрины, этим она отличается от теорий наших партнеров, будь то социал-демократы или коммунисты» [Tribune Socialiste, 30 janvier 1969, p. 3]. Идея скорого перехода к социализму удовлетворяла все внутренние течения ОСП: от молодых «гошистов» до умеренных выходцев из СФИО. Разделял ее и Рокар.

В рокаровской версии акцент приходился на связь установления социализма с дальнейшим экономическим прогрессом. Этот модернистский заряд предполагал, что левые партии с «устаревшими» идеями могли быть вреднее, чем передовые силы капитализма. Так, Рокар допускал, что после Мая 68 голлизм способен «извлечь уроки, которые превратят Францию в страну современного капитализма <...>

до тех пор, пока новые противоречия не приведут к социализму» [Tribune Socialiste, 12 septembre 1968, p. 1]. В то же время партии парламентской оппозиции представлялись Рокару лишенными исторической роли. К примеру, верность компартии советскому опыту и марксистскому канону, с его точки зрения, была архаична уже потому, что в демократической и промышленно развитой стране социализм «стоял на повестке дня» впервые: «Коммунисты организовали превосходное гражданское ополчение в ожидании такого типа революции, которого не случилось и не предвидится» [Rocard, 1969, p. 117]. Он также считал, что «фундаментальное расхождение» позиций ОСП и компартии состояло в том, что «решения социалистического типа» для ОСП соответствуют перспективе «двух, трех, десяти лет», а не «двадцати пяти или тридцати», как у коммунистов. И в этом модернист Рокар соглашался с троцкистом Бридье.

Итак, постулат о возможности скорого перехода к социализму может рассматриваться как общепартийный консенсус по поводу итогов Мая 68. Он был раскрыт в «17 тезисах» — итоговом документе съезда в Дижоне [Rocard, 1969, p. 123–180]. Наибольшее единодушие съезда вызвали первые пять тезисов, которые представляли собой анализ более или менее продолжительного периода современности как «исторического периода». Это был анализ актуального опыта классовой борьбы на предмет долгосрочных тенденций и перспектив революции.

Первый тезис диагностировал кризис современного монополистического капитализма. ОСП ссылаясь на США как на пример небывалого возвышения одного империалистического центра. Доминирование США, гласит текст, влечет обострение конкуренции между центрами «вторичного империализма», конкуренция ведет к необходимости все более быстрой модернизации, а модернизация и технический прогресс, как предполагается, должны вести к обострению внутренних противоречий капитализма. «Война капитализма теперь носит не позиционный, а подвижный характер. Он обречен на бесконечный “побег вперед”, но, воспроизводя свои структурные ограничения, он остается определенным способом производства, в силу чего сохраняется возможность его свергнуть».

Второй тезис указывал на особенности капитализма во Франции. Главная из них — высокий удельный вес мелких собственников и торговцев. В силу своего производственного положения они якобы были предельно консервативны, поэтому их политические симпатии исторически тяготели к правому флангу. Французский «неокапитализм» был вынужден искать их поддержки, поскольку нуждался в парламентском большинстве, чтобы эффективно участвовать в империалистической гонке. Однако в основе этой гонки лежали процессы модернизации, которые по определению должны были разрушать консервативную социальную базу буржуазного государства. Наиболее прогрессивные слои общества, по мнению ОСП, напротив, были предрасположены к восприятию социалистических идей. В отраслях, где «наиболее высока доля рабочих высокой квалификации», трудящиеся «находятся в лучшем положении, чтобы определить форму эксплуатации, от которой страдают, и сделать соответствующие политические выводы» (Четвертый тезис).

Май 68 стал, согласно документу, симптомом хрупкости французского капитализма. Роль детонатора в майских событиях ОСП отвела продвинутым слоям: отчасти студентам и преподавателям, но прежде всего — рабочим передовых отраслей. Такой анализ лег в основу прогноза: «Наша страна вполне заметным образом вошла в период продолжительной политической и социальной нестабильности» (Второй тезис).

Третий тезис непосредственно утверждал «Необходимость и актуальность социализма». Здесь же предлагалось объяснение тому факту, что французский капитализм продолжал существовать вопреки своим структурным порокам: «Между объективной необходимостью социализма и субъективным пониманием [трудящимися] этой необходимости есть разрыв, который должна ликвидировать политическая классовая борьба во всех ее проявлениях». Четвертый тезис был посвящен определению социальной базы революционного движения.

Наконец, пятый тезис провозглашал «ложность демократической альтернативы». Этой формулой обобщалась критика коммунистической партии. В декабре 1968 г. Центральный комитет ФКП опубликовал так называемый Манифест Шампиньи [Rochet, 1968]. Манифест ставил целью установление во Франции «развитой демократии» посредством союза «социалистических и демократических сил». Предполагалось, что альянс с демократами позволит создать достаточно мощную предвыборную коалицию, чтобы положить конец многолетнему правлению правых. «Демократической альтернативой» называлась искомая смена власти избирательным путем. ОСП придавала критике коммунистов особое значение, поскольку их проект постепенной демократизации представлял собой противоположность курсу ОСП на безотлагательный разрыв с капитализмом.

В первое время после Мая 68 объединенные социалисты уделяли критике социалистической партии СФИО существенно меньше внимания. Лагерь «традиционной социал-демократии» представлялся разгромленным. Федерация демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС) во главе с Франсуа Миттераном в ноябре 1968 г. распалась; на президентских выборах в июне 1969 г. кандидат от СФИО Гастон Деффер взял всего 5% голосов. На съезде в Исси-ле-Мулино (июль 1969 г.) СФИО сменила руководителя и название. Вместо Ги Молле во главе новой Социалистической партии (НСП) встал Ален Савари.

Перспективы обновления Социалистической партии в ОСП вызывали скептические оценки. Его сочли продолжением традиции тех левых сил, которые в Мае 68 оказались далеки от протестного движения: «ФДСЛС — ее уделом был парламент, а не классовая борьба... Ее наследница, "Новая социалистическая партия", сформирована теми же людьми, на тех же противоречиях» [Внутренний бюллетень ОСП — Directives, 24 février 1969], «эта партия не много значит в общественной действительности» [Tribune Socialiste, 5 octobre 1969, p. 8].

Коммунисты, таким образом, представлялись преобладающей левой организацией, а их курс на «союз социалистических и демократических сил» угрожал

объединением левых сил вокруг реформистского проекта «демократической альтернативы». Рокар дошел до мнения, что среди французских левых осталось всего два течения – «социал-демократия», где инициативу захватили коммунисты, и подлинное «социалистическое движение» [Tribune Socialiste, 3 avril 1969 (supplement), p. 3], где самую организованную часть представляет ОСП. Выходило, что скромная ОСП должна была конкурировать едва ли не со всеми партиями сразу.

Рокару такая ситуация парадоксальным образом не казалась проигрышной. «Мы не чувствуем себя в изоляции, – заявлял Рокар, перечисляя количество своих активистов в разных профсоюзах, – у нас есть 2 500 товарищей в ВКТ¹, примерно 3 500 – в ФДКТ², несколько сотен в “Форс увриер”³, примерно 2 500 – в Федерации национального образования⁴, 1 200 в ЮНЕФ⁵ и многие сотни в аграрных профсоюзах» [Rocard, 1969, p. 106]. Он соглашался признать изоляцию только со снисходительной оговоркой – «если ставить проблему отношений исключительно между организациями, которые называют партиями».

ОСП считала экономические конфликты и «общественную действительность» более важными факторами, нежели любые явления на политической арене. Развитие общества должны были определять такие процессы, как технический прогресс, развитие производства или классовая борьба. Политическим организациям было суждено отражать результаты этих процессов с большей или меньшей степенью искажения.

Широкое проникновение в профсоюзы как структуры прямой связи с производством давало объединенным социалистам поводы думать, что их идеи находят резонанс на уровне социально-экономической основы общества. А значит, политическая ситуация необходимым образом придет в соответствие с реальным значением ОСП. Относительный успех во время майских протестов и временный упадок «социал-демократии» укрепили эту убежденность и приоритетный характер «низовой борьбы». По итогам съезда в 1969 г. Рокар провозглашал «неспособность парламентских механизмов привести к выходу из кризиса, а также приоритетную важность экономической и социальной борьбы» [Tribune Socialiste, 20 mars 1971, p. 3]. В 2007 г. Рокар вспоминал: «Май 1968 года развил определенный подход к делу» – этот подход представлял из себя «яростный активизм на локальной территории и на профессиональной почве, направленный на социальные изменения». Для его сторонников «любая сугубо политическая деятельность могла существовать только как продолжение, венец и результат этой преобразовательной деятельности» [Rocard, 2007, p. 190].

¹ Всеобщая конфедерация труда – крупнейший французский профсоюз.

² Французская демократическая конфедерация труда – второй по значимости французский профсоюз.

³ Всеобщая конфедерация труда «Форс увриер» – крупный французский профсоюз.

⁴ Крупнейший образовательный профсоюз Франции.

⁵ Национальный союз французских студентов (UNEF) – крупнейший студенческий профсоюз Франции.

Подведем промежуточный итог: основой идентичности ОСП, которую вполне разделял Мишель Рокар, было представление об актуальности социализма. Оно было гарантом минимального единства партии и отделяло ее от конкурентов. На основе этой идеи принимались стратегические решения по поводу других партий и собственной практической работы. В основе идеи об актуальности социализма лежала трактовка современности как «исторического периода». Важное место в этом анализе занимали протесты мая 1968 г., истолкованные как предельное обострение классовой борьбы и симптом терминального этапа в кризисе капитализма.

СТРАТЕГИЯ ПАРТИИ: «ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД» И «ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ»

В мае 1968 г. бунт студентов Сорбонны вылился в многомиллионную забастовку, роспуск парламента и баррикады на улицах. В последних числах мая, когда генерал де Голль покинул Париж, а лидеры оппозиции выдвигали проекты временного правительства, многие всерьез считали, что крах режима — перспектива часов или дней. Однако самые смелые прогнозы опроверг быстрый спад забастовочного движения.

На более длительном отрезке подобный откат переживала и Объединенная социалистическая партия. Через некоторое время после съезда в Дижоне ОСП выпустила еще один программный документ — брошюру под лозунгом «Рабочий контроль» [Le contrôle ouvrière, 1969]. Новый лозунг предлагался взамен триады «Власть студентов! Власть рабочих! Власть крестьян!», которая использовалась в Мае 68. Переход от лозунгов захвата власти в обществе к борьбе за рабочее самоуправление объяснялась характером текущей ситуации: «В Мае 68, когда рабочие массово захватывали заводы, было логично предлагать более амбициозные лозунги» [Le contrôle ouvrière, 1969, p. 2].

Несмотря на смену основного лозунга, объединенные социалисты, тем не менее, не признавали существенного спада рабочего движения: «Если бы мы жили в историческую эпоху спада рабочего движения и сглаживания противоречий капитализма, — уточнялось в программе, — приоритетной целью было бы обеспечить усиление элементарной организации рабочих в сфере экономической борьбы» [Le contrôle ouvrière, 1969, p. 1]. Лозунг рабочего контроля следовал из промежуточной оценки настоящего момента: «Установление социалистического общества стоит на повестке дня и является актуальной целью, но оно не является неизбежным» [Le contrôle ouvrière, 1969, p. 1–2].

Зазор между актуальностью и наступлением социализма связывался с уровнем сознательности рабочих: «Если весь рабочий класс осознает свою коллективную способность руководить собственной борьбой, <...> будет рукой подать до победы» [Le contrôle ouvrière, 1969, p. 6]. Восполнить отставание в классовом сознании призвана как раз концепция рабочего контроля, поскольку она «позволяет выдвигать

предложения, <...> тесно связанные с практическим уровнем понимания классовой борьбы производящими слоями» [Le contrôle ouvrière, 1969, p. 3].

Год спустя, в мае 1970 г., в отчете Национального бюро ОСП впервые появилось предположение, что «глубокого кризиса капитализма в ближайшее время» не будет [Tribune Socialiste, 14 mai 1970, p. 9–12]. Новая оценка краткосрочных перспектив объяснялась разрозненным характером новых протестов и забастовок. Руководство ОСП подтвердило, что уровень общественной борьбы растет; что противоречия капитализма обостряются; наконец, что именно революционное движение приведет к подлинному социализму. Но сроки падения существующего строя были скорректированы.

Отступление в анализе текущего момента содержало комплекс политических следствий. Для координации разрозненных очагов классовой борьбы Национальное бюро предложило перейти к тактическому использованию «конкретных платформ» – более приземленных и адресных лозунгов, нацеленных не на весь рабочий класс, а на отдельные группы трудящихся. «Роль этих платформ <...> состоит в том, чтобы предоставить краткосрочные цели, вокруг которых могли бы сплотиться широкие массы». Основное значение сохранялось за прямым действием общественных сил, но оно должно было проявляться на уровне самых глобальных революционных задач: «разрыв должна спровоцировать логика борьбы, а не составление платформ, заранее предполагающих его достижение». Таким образом, утверждалась необходимость специальной партийной работы по расширению революционного движения, которое, достаточно расширившись, смогло бы само исполнить свое предназначение.

Новые лозунги должны были быть адресными, но не изолированными. Их предполагалось согласовать с концепцией «Рабочего контроля». По словам Рокара, рабочий контроль должен был сыграть роль «первого этапа, пока не произойдет дальнейшего роста сознательности» [Tribune Socialiste, 15 mai 1969, p. 10–11]. Так специальная политическая деятельность по разработке тактических мер сохраняла подчиненное положение относительно низовой самоорганизации трудящихся.

Эта теоретическая конструкция, по-видимому, была далека от представлений большинства активистов ОСП. Она была новшеством относительно решений съезда и сформировалась «на верхних этажах» партии. Снятие социализма с краткосрочной повестки и параллельное внедрение тактических полумер было нетрудно принять за угрозу сползания к реформизму. Во всяком случае, национальные советы ОСП в 1970–1971 гг. продемонстрировали размежевание между партийным руководством и «партийной базой». ОСП провела три национальных совета, где делегаты партии последовательно отказывались принять предложения руководства по поводу усеченных промежуточных целей. В центре итоговых резолюций каждый раз оказывалось безоговорочное подтверждение революционного статуса партии. В противовес рокаровскому руководству в ОСП начали набирать вес сторонники ортодоксальных марксистско-ленинских концепций.

Возникшее затруднение наиболее ясно выразил Эмманюэль Терре, лидер внутрипартийной группировки маоистов: «Партии, для создания широкой коалиции, нужно принять противоречивый, двусмысленный и неясный лозунг [«Рабочий контроль» — А.В.], а затем посвятить десять статей, шесть сессий Национальной политической дирекции и Национальный совет тому, чтобы разогнать туман, который она сама напустила» [Tribune Socialiste, 21 mai 1970, p. 9–10]. В виду очередного партийного съезда Терре предложил поставить прямой вопрос: является ли ОСП революционной партией или же это «левое крыло большого социал-демократического собрания».

Преодоление раскола должно было стать содержанием съезда в Лилле (1971 г.). Рокар настаивал, что в центре съезда должны быть «дебаты по существу», которые «прежде всего, касаются анализа [современного] периода». «Если период расценивать как революционный, — писал Рокар, — логично было бы рассчитывать, что экономические и социальные события ускорят рост сознательности масс». Но если «революционное движение не может рассчитывать на стремительное расширение протестов, нужно стремиться к частным победам и уметь накапливать их результаты» [Tribune Socialiste, 17 juin 1971, p. II–III]. Должный анализ исторического периода, таким образом, был главной ставкой при выборе политической стратегии.

Съезд в Лилле получился предельно напряженным. Рокар и его сторонники проиграли большинство промежуточных голосований. Ход съезда завел дебаты по финальной резолюции настолько далеко влево, что в решающий момент основная часть делегатов откатилась к позициям Рокара. В итоговом голосовании последнему удалось победить минимальным большинством в 53%.

В финальную резолюцию прошло рокаровское определение современности: «Объективно революционный характер исторического периода не означает, что нынешняя ситуация во Франции является непосредственно революционной, но значит, что она может стать таковой» [Tribune Socialiste, 17 juillet 1971, p. 4–7]. По многим пунктам резолюция включала противоречивые формулировки. Съезд одобрил такие далекие от Рокара идеи, как неизбежность вооруженного столкновения классов и необходимость диктатуры пролетариата. И все же Рокар сохранил руководящий пост в партии, навязав свою точку зрения по центральному вопросу дебатов.

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ИНСТИТУТЫ

Новый анализ современности предполагал следствия стратегического характера. Тезис об отсутствии революционной ситуации требовал сосредоточиться на решении промежуточных задач. Подводя итоги съезда, Рокар подчеркнул: новый анализ ситуации показывает необходимость «фиксировать отдельные успехи и делать устойчивыми, добытые изменения в балансе сил» [Tribune Socialiste, 17 juillet 1971, p. 4–7]. В качестве «оси» нового курса закрепились концепция «рабочего

контроля». Комплекс новых установок был оформлен в крупный документ — Манифест ОСП, опубликованный под лозунгом «Контролировать сегодня, чтобы решать завтра» [Contrôler aujourd'hui ... , 1972]. На следующем съезде (декабрь 1972 г.) Манифест получил поддержку от 85% делегатов — явный знак возвращения партийного единства.

Однако Рокар сохранил радикальный тон высказываний даже после восстановления контроля над партией. Он настаивал, что «социализм» для него «не имеет никакого смысла, кроме революционного» [Tribune Socialiste, 2 mars 1972, p. 3], а главным отличием ОСП от других левых партий остается «курс на окончательный разрыв с капитализмом» [Tribune Socialiste, 25 novembre 1971, p. 3]. В преамбуле к Манифесту Рокар утверждал, что формула «Контролировать сегодня, чтобы решать завтра» выражает не что иное, как «цель и средства социалистической революции» [Contrôler aujourd'hui ... , 1972, p. 21].

Верность революционной линии продолжала служить обоснованием политических решений. К середине 1972 г. Социалистическая партия и Французская коммунистическая партия разработали единую предвыборную платформу — «Общую программу правительства». В виду грядущих парламентских выборов две крупнейшие партии оппозиции призвали все левые силы к союзу на основе новой платформы. Объединенные социалисты сочли «Общую программу» продолжением стратегии «развитой демократии», ранее отвергнутой за реформизм.

Было принято решение сохранить «автономный революционный полюс» и работать над развитием собственной коалиции. Придать вес альтернативному объединению предполагалось силами крупного профсоюза ФДКТ, где преобладала близкая идеям «рабочего контроля» теория «социализма самоуправления» (socialisme autogestionnaire)¹. В своем Манифесте объединенные социалисты ссылались одновременно и на «рабочий контроль», и на проект «самоуправления». Подготовка Манифеста была, таким образом, частью работы по созданию революционной альтернативы объединению реформистских партий.

Таким образом, даже после победы над ортодоксальными революционерами Рокар и ОСП остались верны критике реформизма и курсу на разрыв с текущим общественным строем. В преамбуле к Манифесту Рокар повторил привычную критику социал-демократов. Он порицал их как защитников «конституций и всего комплекса правил игры, установленных буржуазией», повторял, что победа социалистических сил возможна, только если народная мобилизация способна «опережать деятельность на правительственном уровне».

Несмотря на верность революционной риторике, между маем 1968 г. и декабрем 1972 г. в доктринальных установках ОСП накопился ряд заметных изменений. Чтобы выделить их, вернемся к еще одному типичному для ОСП мотиву критики

¹ Профсоюз официально принял идеологию «самоуправления» на 35 съезде в Исси-ле-Мулино (1970 г.).

парламентских партий, а именно — к упрекам в разрыве между их политической деятельностью и «общественной реальностью». Со времен майских событий Рокар подчеркивал, что присутствие социал-демократов «в большей степени ощущается в избирательном плане, нежели в [социальной] борьбе», заявлял, что его партия «отвергает разделение между социальной и политической борьбой, принятое в СП и ФКП» [Tribune Socialiste, 10 février 1972, p. 10].

Таким образом, одно из направлений критики реформизма опиралось на предположение, что избирательные процедуры и традиционная политическая борьба не отражали реальный баланс общественных сил. Это предположение, в свою очередь, шло рука об руку с описанным выше представлением о своеобразной вторичности политической сферы относительно общественной борьбы и экономических конфликтов. Так, дижонские тезисы осуждали «теорию и практику социал-демократии, которая ставит социальные преобразования в зависимость исключительно от политической деятельности в ее традиционном и институциональном смысле». Те же доводы утверждали приоритет «низовой» борьбы трудящихся на местах производства, «поскольку именно там фундаментальным образом проявляется могущество их противника».

Наиболее отчетливо представление о побочном характере «политической сцены» заметно в первые месяцы и годы после «майских событий». В июне 1968 г. Рокар писал, что «выборы — лишь эпизод и, возможно, не слишком важный, в борьбе, которая продолжается в других местах». «Какими бы ни были результаты, — повторял Рокар уже по поводу президентских выборов 1969 г., — решающее значение для нас имеют не они, а развитие социальной борьбы, обострение неизбежных экономических конфликтов капитализма». В октябре 1969 г. Национальное бюро ОСП констатировало «кризис институтов и политических форм парламентской демократии», следствием которого был «огромный разрыв между социальными силами и политическими... организациями» [Tribune Socialiste, 2 octobre 1969, p. 5–7]. Осенью 1970 г. Рокар выражал удивление по поводу «контраста между волей к глубоким преобразованиям, которая по-прежнему пронизывает французское общество, и трюками профсоюзного и политического высшего пилотажа» [Tribune Socialiste, 10 septembre 1970, p. 3]. Ряд подобных заявлений можно долго продолжать.

Оговоримся, что традиционная политическая работа в ОСП не отвергалась полностью. Работа в сфере «институциональной» политики признавалась важным и порой даже единственным недостающим элементом в подготовке будущей революции. Но фундаментальная неполноценность действующих институтов государства относительно массовой социальной борьбы не подвергалась сомнению. Рокар утверждал, что парламентская работа «может лишь уточнить уже сложившийся в стране баланс сил, но не может выйти за его рамки» [Tribune Socialiste, 27 juin 1968, p. 3].

Изменения в трактовке отношений между социальными силами и действующими институтами власти возникли параллельно со спорами о наличии революционной ситуации в текущий момент. Необходимость решать промежуточные задачи

и фиксировать их результаты неминуемо влекла к оправданию отдельных форм работы в рамках существующих институтов. В январе 1972 г. Национальная политическая дирекция ОСП объявила о необходимости внедрить «эффективную институциональную стратегию» [Tribune Socialiste, 20 janvier 1972, p. 4–5] ради успешной консолидации разрозненных очагов социальной борьбы. Отмечалось, что такая стратегия подразумевала готовность «использовать существующие институты в революционном смысле». Параллельно менялась оценка способности трудящихся к спонтанному свержению капиталистического строя. Согласно очередному анализу исторического опыта, включенному в отчет Национального бюро ОСП от мая 1972 г., «масса рабочих с трудом способна самостоятельно осознать себя как революционную», причем исключительно «в ситуации экономической катастрофы или вспышки фашизма» [Tribune Socialiste, 18 mai 1972, p. 2–7].

Проявлением новой тенденции стал Национальный совет в июне 1972 г., где смещение акцентов между социальным и политическим продолжилось. Согласно итоговой резолюции, альтернатива действующему режиму «не может опираться исключительно на силу социальной борьбы», но «требует политической дискуссии (confrontation) между вовлеченными активистами» [Tribune Socialiste, 18 mai 1972, p. 2–7]. В ноябре 1972 г. Мишель Рокар на страницах партийной газеты провозгласил, что «пришло великое время, когда социалистическое движение должно вновь обрести подлинный смысл политической деятельности, если оно хочет уйти от реформизма так же сильно, как от маргинальности» [Tribune Socialiste, 22 novembre 1972, p. 3].

Налицо переоценка значения политических институтов и соответствующих избирательных процедур. В 1968 г. результаты июньских выборов представлялись ОСП максимально далекими от майских протестов. К выборам 1973 г. партия пришла буквально с противоположной позицией. «То, что будет выражено <...> в избирательных урнах, — написал Рокар, — должно походить на то, что в мае 68 уже выразилось на улицах, в университетах, на заводах и в офисах» [Tribune Socialiste, 7 février 1973, p. 3]. В течение первых лет после майских событий ОСП видела свой основной ресурс в связях с «низовой» социальной борьбой, отказываясь воспринимать всерьез результаты своих избирательных кампаний. Теперь партия заявила о намерении провести «подлинно революционную избирательную кампанию» [Tribune Socialiste, 14 juin 1972, p. 9], причем сделать это «без двусмысленностей и комплексов, с силой и убеждением» [Tribune Socialiste, 7 février 1973, p. 3].

К марту 1973 г. ОСП подошла в благоприятных организационных кондициях. Впервые за несколько лет она опиралась на внутреннее единство, располагала проработанной программой и вела полноценную предвыборную кампанию. Объединенные социалисты могли рассчитывать по крайней мере на то, чтобы превзойти собственные показатели предыдущих лет. В итоге реформистская коалиция «Общей программы» показала существенный прирост голосов, тогда как Рокар лишился депутатского кресла, а кампания в целом оказалась для ОСП неудачной.

После поражения на выборах начался необратимый процесс сближения Рокара и его сторонников с Социалистической партией, показавшей свою эффективность в рамках действующим избирательных процедур. «Поскольку Социалистическая партия добилась несомненного успеха в том, чтобы приблизиться к тем слоям... судьбу которых мы видели в наших рядах, — писал Рокар, — ясно, что мы должны умножать попытки диалога» [Témoignage chrétien, 17 mai 1973]. В ноябре 1973 г. Рокар оставил пост Национального секретаря ОСП. Во время подготовки к президентским выборам 1974 г. он присоединился к штабу Франсуа Миттерана. Наконец, после президентских выборов Рокар занялся продвижением идеи объединения ОСП и Социалистической партии.

Вопрос должен был решиться на Национальном совете в Орлеане (октябрь 1974). В резолюции, подписанной Рокаром, новая оценка существующих политических процедур получила законченное оформление: «Трудящиеся почувствовали, что ради будущего их борьбы они не могут противопоставлять социальное движение и движение политическое, вот почему столь многие из них отдали голоса Франсуа Миттерану». Завершились и перемены в оценке исторических перспектив: «Мы не можем ждать, — гласил тот же текст, — пока История докажет истинность и необходимость социализма самоуправления. История зависит от наших действий, от нашего выбора сегодня» [Tribune Socialiste, 23 septembre 1974, p. 3–4].

На сей раз по итогам партийного голосования сторонники Рокара оказались в меньшинстве и были вынуждены перейти в Социалистическую партию в индивидуальном порядке. Тем не менее, в октябре 1974 г. Рокар и его единомышленники по-прежнему преподносили сближение с партией Миттерана как «шаг на пути к подготовке социалистической революции в нашей стране» [Tribune Socialiste, 23 septembre 1974, p. 3–4]. Так что даже накануне вступления в стан «социал-демократов» Рокар не размежевался с революционной риторикой окончательно.

Итак, мы попытались рассмотреть резкий поворот в траектории крупного левого политика Мишеля Рокара. В течение всего нескольких лет после майских событий 1968 г. Рокар прошел путь от лидера революционной организации до члена парламентской партии.

Мы увидели, что размежевание Рокара с революционными лозунгами было постепенным и длительным процессом, который, по-видимому, в рассмотренный нами период в полной мере не завершился. Отказу от революционной риторики предшествовали более стремительные изменения в оценке действующих политических институтов. За несколько лет Рокар перешел от отрицания адекватной связи между социальной борьбой и «политической сценой» до фактического признания существующих избирательных процедур полноценным выражением воли рабочих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Andreani J.-L. *Le Mystère Rocard*. Paris: Robert Laffont, 1993. 732 p.
- Autogestion, la dernière utopie? [actes du colloque, Paris, 14–15 juin 2001]* / Georgi F. (Dir.). Paris: Publications de la Sorbonne, 2003. 614 p.
- Bédei J.-P., Liegeois J.-P. *Le feu et l'eau: Mitterand-Rocard, l'histoire d'une longue rivalité*. Paris: Grasset, 1990. 394 p.
- Bergounioux A., Merle J.-F. *Le Rocardisme. Devoir d'inventaire*. Paris: Seuil. 2018.
- Contrôler aujourd'hui pour décider demain: ce manifeste a été adopté par le 8e Congrès national du PSU, Toulouse, 9, 10 et 11 décembre 1972*. Paris: Tema-éditions, 1973. 231 p.
- Evin K. *Michel Rocard ou l'Art du possible*. Paris: J.-C. Simoen, 1979. 234 p.
- Hamon H., Rotman P. *L'effet Rocard*. Paris: Stock, 1980. 364 p.
- Le contrôle ouvrière*. Paris: 81, Rue Mademoiselle, 1969. 32 p.
- Le PSU, des idées pour un socialisme du XXIe siècle?* / Sauvageot J. (dir.). Rennes: PUR, 2012. 416 p.
- Rêveur réaliste, réformiste radical (préface d'Alain Bergounioux)*. Paris: Fondation Jean-Jaurès, 2015. 33 p.
- Rocard M. *Le PSU et l'avenir socialiste de la France*. Paris: Stock, 1969. 182 p.
- Rocard M. *Si la gauche savait. Entretiens avec Georges-Marc Benamou*. Paris: Robert Laffont, 2007. 480 p.
- Rochet W. *Manifeste du Comité central (Champigny-sur-Marne, 5 et 6 décembre 1968). Pour une démocratie avancée pour une France socialiste!. Rapport... Résolutions*. Paris: CDLP, 1968. 60 p.
- Rosanvallon P. *Le socialisme français et la peur de la social-démocratie // Faire, Qu'est-ce que c'est la social-démocratie?* Paris: CERES, 1979.
- Schneider R. *Michel Rocard*. Paris: Stock, 1987. 309 p.

REFERENCES

- Andreani J.-L. *Le Mystère Rocard* [The Rocard Mystery]. Paris: Robert Laffont, 1993. 732 p. (in French).
- Autogestion, la dernière utopie? [actes du colloque, Paris, 14–15 juin 2001]* [Self-management, the last utopia? [Proceedings of the symposium, Paris, 14–15 June 2001]] / Georgi F. (Dir.). Paris: Publications de la Sorbonne, 2003. 614 p. (in French).
- Bédei J.-P., Liegeois J.-P. *Le feu et l'eau: Mitterand-Rocard, l'histoire d'une longue rivalité* [Fire and water: Mitterand-Rocard, the story of a long rivalry]. Paris: Grasset, 1990. 394 p. (in French).
- Bergounioux A., Merle J.-F. *Le Rocardisme. Devoir d'inventaire* [Rocardism. Duty of inventory]. Paris: Seuil. 2018 (in French).

Contrôler aujourd'hui pour décider demain: ce manifeste a été adopté par le 8e Congrès national du PSU, Toulouse, 9, 10 et 11 décembre 1972 [To control today to decide tomorrow: this manifesto was adopted by the 8th National Congress of the PSU, Toulouse, 9, 10 and 11 December 1972]. Paris: Tema-éditions, 1973. 231 p. (in French).

Evin K. *Michel Rocard ou l'Art du possible* [Michel Rocard or the Art of the possible]. Paris: J.-C. Simoen, 1979. 234 p. (in French).

Hamon H., Rotman P. *L'effet Rocard* [The Rocard effect.]. Paris: Stock, 1980. 364 p. (in French).

Le contrôle ouvrière [The Labor control]. Paris: 81, Rue Mademoiselle, 1969. 32 p. (in French).

Le PSU, des idées pour un socialisme du XXIe siècle? [The PSU, ideas for 21st century socialism?] / Sauvageot J. (dir.). Rennes: PUR, 2012. 416 p. (in French).

Rêveur réaliste, réformiste radical (préface d'Alain Bergounioux) [Realistic dreamer, radical reformist (preface by Alain Bergounioux)]. Paris: Fondation Jean-Jaurès, 2015. 33 p. (in French).

Rocard M. *Le PSU et l'avenir socialiste de la France* [The PSU and the socialist future of France]. Paris: Stock, 1969. 182 p. (in French).

Rocard M. *Si la gauche savait. Entretiens avec Georges-Marc Benamou* [If the left knew. Interviews with Georges-Marc Benamou]. Paris: Robert Laffont, 2007. 480 p. (in French).

Rochet W. *Manifeste du Comité central (Champigny-sur-Marne, 5 et 6 décembre 1968)*.

Pour une démocratie avancée pour une France socialiste!. Rapport... Résolutions [Manifesto of the Central Committee (Champigny-sur-Marne, 5–6 December 1968). For an advanced democracy for a socialist France! Report ... Resolutions.]. Paris: CDLP, 1968. 60 p. (in French).

Rosanvallon P. *Le socialisme français et la peur de la social-démocratie // Faire, Qu'est-ce que c'est la social-démocratie?* [French socialism and the fear of social democracy // What is social democracy?]. Paris: CERES. 1979. (in French).

Schneider R. *Michel Rocard* [Michel Rocard]. Paris: Stock, 1987. 309 p. (in French).